

ГУСАРСКАЯ САГА

ПО ПРОЗВИЩУ ДЕМОН

СЕРГЕЙ ГОРБАТЫХ

Сергей Горбатов

По прозвищу Демон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63096648

Мультимедийное издательство Стельбицкого;

ISBN 9780890008515

Аннотация

Штабс-ротмистр Владимир Головинский 1 сентября 1919 года был выписан из госпиталя, где он лежал после ранения в ногу во время штурма войсками генерала Деникина Екатеринодара. Головинский, боевой офицер, прошедший всю Великую войну и принявший участие в Первом Кубанском походе, уже понял, что Белое Движение обречено. После долгих и тяжёлых раздумий, он принимает очень тяжёлое для себя решение: эмигрировать. Из Новороссийска Головинский уезжает в Лондон, а после недолгого пребывания там, переезжает в Буэнос-Айрес. Владимиру понравилась столица Аргентины. Он спокойно живёт и старается сделать всё, чтобы избавиться от последствий ранения в ногу. Совершенно случайно, на одном из дипломатических приёмов военный министр Парагвая полковник Адольфо Чирифе предлагает ему поступить на военную службу офицером кавалерии этой страны. Владимир соглашается. После сдачи экзаменов на чин старшего лейтенанта, Головинского направляют служить на Северо-Восток Парагвая командиром форта «Маршал Лопес». Ядовитые насекомые и змеи, тропические болезни,

сложные климатические условия сильно осложняют его жизнь. Национальные особенности подчинённых Владимира часто приводят к невыполнению его обязанностей командира форта в тупик. В первые же дни своей службы Головинский с одним солдатом уничтожает банду работорговцев, которые похитили нескольких юных девушек для продажи в публичные дома Бразилии. За этот подвиг жители окрестных поселений и подчинённые Владимира дали ему почётное прозвище Демон. За очень короткий период Головинский производит полную модернизацию форта «Маршал Лопес», организует патрулирование вверенного ему участка рубежа и улучшает условия службы для личного состава гарнизона. Через полтора года о его подвигах и заслугах знают даже простые жители парагвайской столицы. В марте 1922 года Головинского производят в чин капитана и назначают заместителем командира гвардейского эскадрона Личного Конвоя президента Парагвая. Престижная служба очень нравится Владимиру. Но в мае 1922 года в Парагвае начинается гражданская война. Амбициозный полковник Чирифе организовал мятеж с целью свергнуть законную власть в стране, чтобы стать её президентом. Верный своему слову офицера Головинский сражается на стороне правительственных войск и становится национальным героем Республики Парагвай. Роман «По прозвищу Демон» написана на основе реальных событий и фактов, происшедших в Парагвае в 1920–1922 годах. Роман «По прозвищу Демон» – самостоятельное произведение, но логически продолжает эпопею «Гусарская сага», главным героем которой является офицер Владимир Головинский: «Детство и юность гусара», «За веру, царя и отечество!», «Кровавый раскол». Для

написание романа «По прозвищу Демон» автор использовал документальные источники.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	38
Глава третья	65
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Сергей Горбатов

По прозвищу Демон

Глава первая

Трудное решение

Полдень 1 сентября 1919 года. Синее кубанское небо. Яркое солнце жгло нещадно...

Головинский, прихрамывая на левую ногу и опираясь на толстую палку, вышел из дверей госпиталя. «И теперь куда, господин штабс-ротмистр? Что делать дальше?» – грустно спросил он сам у себя.

На эту тему Владимир мучительно размышлял последнюю неделю своего пребывания в госпитале... И никак не мог принять никакого решения.

«А что можно придумать, если опытный военный хирург объявил его двадцатипятилетнего Владимира Юрьевича Головинского инвалидом?»

– Вам молодой человек, немного не повезло, – честно тогда сказал высокий и красивый мужчина с сильными руками, – кости срослись не так, как мы надеялись. По этой причине левая нога у вас стала короче правой на четверть вершка. Ситуацию можно изменить, но этот процесс займёт

очень много времени. Специальная гимнастика, различные растяжки... Но это в мирное время, а сейчас вокруг нас идёт война. – Врач вздохнул и отвёл в сторону свои большие тёмные глаза.

После этих слов у Владимира пропал сон и аппетит... Он думал, думал и думал. Когда от мрачных мыслей начинала трещать голова, Головинский принимался слушать соседей по палате. Но от их разговоров вообще не хотелось жить.

– Скоро на Москву пойдём! Войдём в Первопрестольную под колокольный звон. Наши Одессу взяли, – бодро информировал всех юный прапорщик с ранением в правую руку.

– На Москву то мы пойдём, юноша, но до неё не дойдём! – мрачным тоном оборвал того лысый подполковник, – Деникин фронт растянул, резервов нет, укреплённых рубежей тоже. В наших тылах орудуют многочисленные банды... Стоит красным прорвать фронт, и покатымся мы до самого Чёрного моря. Без остановки! Поверьте мне!

– Самое главное, что простой народ против нас! Большевики своей умелой пропагандой совратили их. Пообещали бесплатно землю крестьянам, а рабочим фабрики и заводы. А русский народ, тёмный и неграмотный, взял да поверил этим мерзавцам! Не войдём мы в Первопрестольную! Не войдём! – убеждённо басил старый, лет тридцати, штабс-капитан, с перебинтованной головой.

Головинский, который воевал с августа 1914 года и был трижды ранен, сам, уже несколько месяцев назад понял, что

Россию они, участники Белого Движения, потеряли...

Откуда-то вкусно потянуло запахом жареного мяса.

«Поесть надо, а потом... Потом снова думать». – Решил Владимир.

Ресторан для этой жуткой эпохи гражданской войны оказался ещё и довольно приличным.

Головинский сел за столик в дальнем углу.

– Господин офицер, чего кушать будете? – подбежал к нему половой, мальчишка лет пятнадцати, стриженный и опрятно одетый.

– Принеси мне шашлык, овощи, хлеб, – осматривая зал, попросил Владимир.

– Обязательно, господин офицер! А пить, чего желаете? – половой впился в него своими карими глазами.

– Воду холодную... – вздохнул Головинский.

– Господин подьесаул, – нагнулся к самому его уху мальчишка, – есть гарный первач! А для особых клиентов и коньяк... Настоящий!

– Спасибо! Воды принеси! – повторил Владимир.

В ресторан зашла группа офицеров. Все в новеньких мундирах, на погонах звездочки блестят, портупей скрипят... От начищенных сапог отражаются солнечные лучи.

– Господа! Господа, – а вы слышали этот анекдот? – весело орал молодой, лет двадцати двух, подполковник с животиком и красной физиономией.

– Рассказывай, не томи! Василёк, давай! – громко упра-

шивал его, другой тип, высокий и худой лет двадцати пяти, также с погонами подполковника.

– Ха-ха-ха-ха! – громко заржали два капитана, которые были с ними.

– Гарсон! Гарсон! – заорал высокий и худой, – тащи коньяк! Шустовский, разумеется! Шампанское «Абрау Дюрсо». Икорки паюсной, ветчинки. У тебя есть ветчина?

– Есть! У нас всё есть, господа офицеры! – половой угодливо согнулся перед подполковником.

«Белое Движение терпит крах вот из таких ублюдков, как эти, «так называемые» офицеры! Это же тыловики, снабженцы! Они спекулируют всеми товарами, которые нашей армии поставляют союзники. На фронте солдаты и офицеры в дырявых шинелях воюют, в рваных сапогах или, даже, босиком! А эти сволочи всё продают! Погоны нацепили... Сволочи! Сволочи! – в груди у Головинского стало «гореть». – Зимой сколько обмороженных было! Тысячи! А такие вот твари все полушубки «налево» продали!»

Мальчишка принёс шашлык. Но аппетит у Головинского почему-то резко пропал. От желания вынуть из кобуры свой парабеллум и застрелить всех этих подонков, сидящих совсем рядом, начали трястись руки.

Владимир съел несколько кусочков мяса, выпил стакан воды. Затем достал из кармана тощую пачку «николаевок», отсчитал несколько ассигнаций.

– Уважаемый, этого хватит? – подозвал он мальчишку.

– Да, господин офицер! Спасибо! – широко улыбнулся тот, быстро пряча деньги в свой чёрный передник.

«Что делать? Надо принимать кардинальное решение,» – Головинский остановился у высокого Обелиска, сооружённого в честь 200-летия Кубанского казачьего войска на углу улиц Красной и Новой. За спиной у него вещевой мешок, в левой руке – выдавшая виды прожжённая в двух местах шинель. Постоял, а затем продолжил медленно идти по Красной, тяжело опираясь на толстую палку, левую ногу почти парализовал приступ сильной боли.

«У меня четыре варианта. Первый – найти безлюдное место и пустить там себе пулю в висок. Второй – добыть гражданские документы, жениться и остаться жить на Родине, оккупированной большевиками. Третий – уехать за границу. Четвёртый – попасть каким-то образом на фронт и погибнуть в первом же бою. Какой выбрать?»

Сделать выбор было нелегко... «Жить «под большевиками» Владимир не сможет. Да и зачем? Ведь у него в России нет никого из родных. Мама, отец и сёстры погибли... Любимая тётя умерла, оставив Головинскому сейф набитый её ювелирными украшениями и деньгами. Выходит, что и погибать не за кого! Он прошёл всю Великую войну, а затем начал бороться против красной нечисти. Участвовал в Первом Кубанском походе. Потом был ранен во время освобождения Екатеринодара, после чего и стал, практически, инвалидом... Ему двадцать пять лет, а он, кроме боёв, страда-

ний, смертей ничего и не видел. Застрелиться или погибнуть в бою? А тысячи подонков в погонах, которые продали святую идею Белого Движения, останутся жить? Ну нет! Нет! Я лучше уеду! Куда? Не знаю! Деньги у меня есть! А это самое главное!»

Головинский с облегчением вздохнул. Самое трудное решение в его жизни было им принято. Теперь нужно было действовать!

На вокзале ему удалось купить одно плацкартное место до Новороссийска. Поезд пришёл часов в десять ночи. Теплушки, забитые солдатами, переполненные пассажирские вагоны... Начальник станции, лично, с помощью патруля помог Владимиру пробраться внутрь вагона.

Здесь Головинский сел прямо на пол в коридоре, накинул на плечи шинель и закрыл глаза, чтобы никого не видеть. Вагон был просто забит беженцами. Все ехали в Новороссийск.

«Зачем?» – удивился Владимир, невольно слушая чужие разговоры.

Поезд двигался очень медленно, часто останавливался, и тогда в ночной тишине слышались тревожные гудки паровоза.

– Упаси Боже! Не приведи, Господь! – все начинали молиться в вагоне. – Неужели зелёные! Не дай Бог! Не дай Бог!

Затем поезд продолжал движение, и народ облегчённо вздыхал.

Так и доехали!

Головинский с трудом спустился из вагона. Вокруг, прямо на рельсах, стояли палатки, шалаши из остатков брезента и кусков кровельного железа. В них копошились люди в рваной одежде, повсюду плакали дети. Над кострами были подвешены закопченные котелки и чайники, в которых булькало какое-то варево.

Чтобы попасть в центр Новороссийска нужно было сесть на «кукушку»: состав из четырёх вагонов с выбитыми стёклами и маленьким старым маневровым паровозиком.

Контролёр – мужичонка в фуражке Имперского министерства путей сообщения продавал билеты.

Головинский протянул ему сотенный билет.

– Господин хороший, у меня сдачи и не наберётся! – радостно крикнул он и подозвал толстого мужика, оказавшегося машинистом.

Они перекинулись двумя фразами, и мужичонка протянул Владимиру кипу цветных «деникинок».

По пути в центр Головинский выяснил, что в Новороссийске невозможно было снять для жилья даже угол в сарае с крысами.

– Город забит, просто забит беженцами! Вы сами видели, что народ живёт в балаганах на рельсах, тротуарах. Местные уже сдали в наём всё, что могли, внимательно рассматривая Владимира, рассказывал проводник «кукушки».

– Я же не бесплатно! – удивился Головинский, – заплачу сколько попросят! На тротуаре мне нельзя!

– Я вас понимаю, понимаю! – заглядывая Владимиру в глаза, соглашался мужичонка. – Я бы мог вам сдать свою кухню. Вам, я понимаю, ведь только переночевать?

– Думаю, что да, – неопределённо ответил Головинский.

– Я вам дам свой адресочек! Дам! Но учтите, что я живу в рабочей слободке. А вам бы лучше в центре.

– Почему? – заинтересовался Владимир.

– Так у нас стреляют и днём, и ночью! Утром выходишь из хаты, а под забором труп лежит. И когда его уберут? Никто не знает! А вот в центре, там порядку больше. Там патрули ночью... Думайте сами, господин!

– А сколько возьмёшь с меня за постой? – Владимир посмотрел в глаза своего собеседника.

– Так разве мы не христиане? Немножко, чтобы хлеба жинке и детям купить, – глядя в куда-то в сторону ответил контролёр. – Ежели надумаете, господин, то я живу недалеко от вокзала. Спросите любого местного, где хата «Фёдора с кукушки».

– Спасибо, братец! – искренне поблагодарил контролёра Головинский.

Главная улица Новороссийска, которая называлась Серебряковской, была запружена народом. Кого только здесь не было! Цыгане, солдаты, казаки, офицеры, дамы, одетые в тряпье, бывшее когда элегантно и модной одеждой, воры-карманники, городская стража, иностранные матросы. Все что-то предлагали купить... на тротуаре лежали персид-

ские ковры, новенькое обмундирование всех родов войск, сапоги, гражданская обувь, костюмы и платья. У большинства на лицах – печать полной безысходности и отчаяния.

«Это улица или барахолка? – Владимир с любопытством осматривался вокруг. – С ворьём надо быть осторожнее! Хорошо, что я заранее надёжно спрятал на себе и в вещевом мешке все мои ценности».

Было около двенадцати часов. Головинскому уже хотелось есть. Он увидел очередь. Оказалось, что это желающие пообедать в ресторане «Слон».

– Поручик, я буду за вами? – спросил Владимир у офицера с безобразным шрамом на всю правую щёку.

– Думаю, что да! – безразлично ответил он. – Штабс-ротмистр, вы наверное только приехали?

– Да! А откуда вы узнали? – удивился Головинский.

– По глазам! У всех такие глаза, когда они только приезжают в Новороссийск. Здесь просто ад, штабс-ротмистр. Честно вам говорю! – Объяснил поручик.

– А здесь, что только один ресторан? – поинтересовался Владимир.

– Нет, в Новороссийске уйма разных харчевен и забегаловок. Цены там даже ниже, чем здесь. Но отобедав там, вы можете запросто отравиться и умереть в муках. – Усмехнулся поручик.

– Спасибо! Разрешите представиться, штабс-ротмистр Головинский! Если вам удобно, то просто Владимир, – он

протянул поручику руку.

– Евгений Васнецов, – пожал юноша руку, – давайте без чинов, Владимир. Я уже устал от никому ненужного в это время официоза.

– Давайте! Согласился Головинский.

Им повезло, войдя в «Слон», они устроились за одним столом. Вскоре перешли на «ты». Заказали борщ, котлеты с пюре...

– Владимир, ты что будешь пить? Здесь хорошее столовое вино из подвалов Абрау-Дюрсо. Есть шампанское, но его употреблять под котлеты и борщ – это просто издевательство.

– Спасибо! Заказывай для себя. Я не хочу! – отказался Головинский.

– Тогда я тоже не буду.

Васнецову недавно исполнился двадцать один год. Его отец полковник погиб в 1916 году. Евгений закончил школу прапорщиков в 1917 году, в том же году умерла его мать от тифа. Васнецов воевал в Дроздовской дивизии.

– После ранения я почти два месяца провалялся в госпитале. Лежал и думал: «А зачем мне всё это? Белое движение обречено! Мы воюем в окопах за идею, а тылу разные твари наживаются на нашей крови. Мне рассказывали в госпитале, что «крысы» в погонах сделали целые состояния на спекуляциях с обмундированием, оружием, продуктами питания, а потом спокойно укатили за границу. Купили себе особня-

ки на Ривьере и живут. Мы же продолжаем кормить вшей в окопах, проливать нашу кровь. За что? За Белую идею? За-чем мне такая идея?» – у Евгения начался нервный тик.

Он начал заикаться, а левая щека задёргалась...

– У меня недавно возникло тоже самое ощущение. Чувствую себя обманутым. Внутри пустота какая-то, – признался Головинский.

– Я решил уехать. Во Францию. Там у меня дядя, родной брат отца, живёт с 1917 года. Он умный: уехал сразу же после октябрьского переворота, – вздохнул Васнецов.

Когда они вышли из ресторана, Евгений посмотрел на противоположную сторону Цемесской бухты.

– Бора надвигается. Видишь из-за сопки «борода» спускается. Через несколько часов норд-ост подует. – Объяснил Васнецов.

Действительно с лысой горы вниз, к морю, спускалась тёмная тучка.

«Подует, так подует». – Безразлично подумал Головинский.

Ночевать Владимир остался в домике недалеко от Соборной площади, который сдавала толстая и носатая гречанка Елена Скиндиринди. Евгений жил здесь уже две недели.

– Двести рублей. Царскими! – объявила она сразу, тряся своими жирными щеками.

– Хорошо, – сразу же согласился Головинский.

К вечеру домик наполнился квартирантами. Они разлег-

лись повсюду: на стульях, диванах, кроватях и под ними. Владимир расстелил свою шинель на полу и улёгся в коридорчике между хозяйской спальней и кухней.

Часов в двенадцать ночи вдруг задребезжали стёкла в окнах, что-то ударило по крыше. Домик начал трястись.

Квартиранты вскакивали, закрывали двери и окна.

– У-у-у-у-у! У-у-у-у! – страшно завывал ветер и бил в крышу.

– Бах-бах-бах! – послышалось совсем рядом.

Владимир вскочил и достал револьвер из кобуры.

– Не волнуйтесь вы так. Каждую ночь стреляют.

Это был пожилой капитан, свернувшийся калачиком на овчине у самой входной двери.

Утром Головинский с Васнецовым вышли на улицу. Ветер продолжал гудеть. Его порывы валили с ног. По улицам летали куски жести, картона, тазики и вёдра.

– Всегда так дует? – спросил Владимир у Евгения.

– Говорят, что зимой бывает сильнее. Корабли сразу же уходят из Цемесской бухты в открытое море, потому что якоря не держат. Выбросить может на скалы. Зимой норд-ост настолько понижает температуру воздуха, что дома покрываются льдом. – Пояснил тот.

На середине улице Серебряковской находилась кофейня «Махно». Здесь работала нелегальная биржа, которую прозвали в Новороссийске «Чёрной ордой». Здесь устанавливали курс покупки и продажи валюты, стоимость документов,

плацкартных билетов на поезда до Ростова, на корабли в любую страну мира. Здесь торговали оптом ворованным военным имуществом, продуктами питания, спиртным.

Сюда и зашёл Головинский. Он уже знал, как надо действовать в этом городе. Васнецов ввёл Владимира в курс местных дел.

В кофейне сидело всего человек пять. «Рановато я здесь появился. Надо бы после обеда!» – с огорчением подумал он. Но на всякий случай спросил у дородной официантки с роскошными формами: «Здравствуйте! А Захара ещё нет?».

– Только что появился, – ответила женщина и, не скрывая своего интереса, стала нагло рассматривать Головинского. – У окна сидит. Я ему сейчас кофе несусь.

Официантка подошла к худощавому брюнету лет сорока, одетому в дорогой костюм черного цвета с узкими белыми полосками.

– Здравствуйте! Это вы – Захар! – поздоровался с мужчиной Владимир.

– Привет! Я – Захар! – недовольно ответил тот и начал рассматривать Головинского, – ты чего хотел?

«Лицо типичного грека и говорит с небольшим акцентом» – подумал Владимир, – имя себе выбрал Захар!»

– Мне нужен заграничный паспорт. – Без всяких предисловий сказал Головинский.

– Раз нюжен, значит сделаю! – Захар сделал крошечный глоток кофе, – цену знаешь?

– Нет! – соврал Владимир.

– Пятьдесят рублей! Золотом! – усмехнулся Захар, обнажая свои белоснежные зубы.

Головинский молчал. Васнецов ему рассказал, что один его знакомый купил у Захара паспорт всего за пятнадцать Североамериканских долларов.

– Чё, нету таких денег? Тогда зачем беспокоишь? Что дюмаешь? Что я тебе за керенки такой документ продам.

– А в фунтах стерлингов сколько это будет? – осторожно поинтересовался Владимир и сразу же пожалел о том, что задал такой вопрос.

– Никому не показывай, что у тебя есть деньги! Сразу же ограбят! И наша контрразведка, и жулики, и свои же офицеры-соратники по борьбе, доведённые до отчаяния безвыходной ситуацией, в которую они попали, – ещё вчера посоветовал Головинскому Васнецов.

– А у тебя есть фунты? – оживился вдруг Захар.

Владимир неопределённо пожал плечами. Он чувствовал себя здесь очень неудобно.

– Ну если есть фунты английские, то... то... Двадцать. Найдёшь? – Захар внимательно смотрел в лицо Головинскому. – Паспорт будет настоящий! Не фальшак! Я тебе за это отвечаю! Давай деньги!

– Они у меня спрятаны. Завтра могу принести.

– Хорошо. Катерина, принеси перо и чернила! – закричал Захар дородной официантке.

Затем он достал из кармана пиджака толстый засаленный блокнот, нашёл там чистую страницу.

– Давай говори, фамилию, имя, отчество, год рождения, рост, вес, особые приметы. Я всё буду записывать... Да, забыл совсем, аванс нужен. – Захар оторвался от своего блокнота и впился своим чёрными глазами в Головинского, – есть деньги?

– Да. – Владимир вынул из кармана последние двенадцать сотенных «николаевок». – Этого достаточно?

– Мало, ну ладно! Давай! Завтра после двух часов приходи сюда. Двадцать фунтов не забудь!

Головинский вышел из кофейни, хромя зашагал по тротуару, стараясь никого не толкнуть или наступить. Всё время оглядывался: не преследует ли кто? Всё было спокойно. Улица неожиданно закончилась. Впереди простирался пустырь, заполненный народом. Это был Новороссийский Привоз. Казаки, приехавшие на своих арбах из близлежащих станиц, торговали овощами, фруктами, битой птицей, мясом.

Один дед с колоритной внешностью, в одежде запорожского казака времён Великой Екатерины, продавал аппетитные на вид круги колбас.

– Почём твоя колбаска, батько? – спросил Владимир.

– По двести, сынку. – Пробасил тот.

Головинский начал шарить про карманам... Денег уже не было. Оставалась пачка франков, пачка фунтов стерлингов,

золотые монеты и тётушкины драгоценности... А вот рублей не было. Ни керенок, ни «деникинок», ни «николаевок».

– Шо, сынку, немая грошей? – усмехнулся дед.

– Забув! – вздохнул Владимир.

Далеко за пустырьём, на котором раскинулся Привоз, Головинский нашёл укромное место. Скинул с плеч свой вещевой мешок и достал из специального карманчика пачку французских франков. Нашёл самую маленькую ассигнацию в десять франков и спрятал её в карман.

Через час Владимир продал их за четыре тысячи пятьсот «николаевок» у ресторана «Слон» холёному тыловику с погонами капитана.

Вечером Головинский угощал колбасой, свежим хлебом Васнецова, хозяйку и ещё двух дам неопределённого возраста, которые спали под кроватью Елены.

Ночью норд-ост усилился. Гудела крыша, скрипели потолочные балки, и до утра в разных частях города слышались выстрелы.

На следующий день в час пятьдесят пять минут Головинский зашёл в «Махно». Захар был уже на месте.

– Я же тебе сказал, что в два! – он гордо поднял указательный палец вверх. – Фюнты принёс?

– Да. – Владимир протянул деньги.

– Хорошие, настоящие! – радостно произнёс Захар, едва прикоснувшись к банкнотам, – а это тебе! – он протянул новенький заграничный паспорт с императорскими орлами. –

Проверь!

Документ был заполнен каллиграфическим почерком профессионального писаря. Всё было правильно, за исключением года рождения. Вместо 1894 значился 1895 год. «Какая разница? Никакой! Стал на год моложе!» – подумал Головинский.

– Нью как? Понравился паспорт? – ухмыляясь, спросил Захар.

– Понравился. – Владимир спрятал документ в нагрудный карман кителя.

– Если ещё что-то надо... Заходи! С фунтами... – засмеялся Захар.

Первая часть плана была выполнена.

Выйдя из кофейни, Головинский сразу же направился в Консульство Англии. Оно находилось в пяти минутах ходьбы.

Столбы, стены зданий на Серебряковской были заклеены плакатами Осведомительного Агентства (ОСВАГа) Вооружённых Сил Юга России. Они были похожи на лубки. Яркие картинки с примитивным текстом.

Вот огромный казак поднимает за шиворот маленького кучерявого человечка с бородкой-клинышком. И надпись «Уничтожим большевистскую заразу с её вождями!» Под изображением человечка располагались слова «Лейба Бронштейн – Троцкий». А вот другой, совсем недавно наклеенный – плакатище: всадники под трёхцветным российским

флагом растаптывают маленьких людишек со звёздами на картузах.

Владимир скривил губы: «Мастеров много здесь, в тылу, картинки рисовать, а на фронте солдат не хватает».

У двухэтажного здания, где над дверями развивался флаг Великобритании, стояла толпа. «Человек сто! Не меньше!» – Головинский с грустью посмотрел на людей. Кого здесь только не было: старый генерал, несколько полковников, десятка два офицеров в чинах от капитана до прапорщика и гражданские. Женщины с усталыми отрешёнными лицами с плачущими грудными детьми на руках, мужчины разных возрастов.

«А в Консульство Франции, Васнецов сказал, хвост раза в три длиннее, – вспомнил почему-то Головинский. – А может и мне во Францию махнуть? С Евгением? Но ходят разговоры, что Франция забита русскими иммигрантами. Особенно Париж. Работы нет. Жильё подорожало в два раза. Приезжие не знают, что делать. Хорошо только тем, у кого деньги есть. И у меня они есть! А может во Францию? Нет, только в Англию! Выбор сделан, отступить уже нельзя».

– Господин, капитан! Господин, капитан! – Перед Головинским стоял прыщавый юнец в гимназической фуражке с поломанным козырьком.

– Что случилось, юноша? – оторвался от своих мыслей Владимир.

Прыщавый показал ему свою ладонь левой руки, где кра-

совалась цифра 15, сделанная химическим карандашом.

– Не понял...

– Консульство принимает в день по пятнадцать человек. Сейчас вошёл проситель номер «13», а потом «14», а затем вы. Поняли? Или хотите в «хвосте» стоять неделю? – доходчиво объяснил юнец.

– Сколько? – спросил Головинский.

– Тысяча рублей, но «николаевскими», без торговли! – заявил прыщавый.

– Держи! – Владимир протянул тому деньги.

– Пойдёмте, господин капитан! – юноша вежливо взял Головинского за локоть и повёл к двери в Консульство.

В небольшой комнате за столом сидел мужчина лет пятидесяти в тёмном костюме и галстуке. Лицо у него было усталое, под глазами тёмные круги. В углу стоял другой стол, а за ним молодой человек в английском военном мундире, но без погон.

– Добрый день, мистер! – произнёс на своём не очень хорошем английском Владимир, – разрешите представиться?

– Пожалуйста! – одобрительно кивнул мужчина с усталым лицом.

– Корниловского конного полка штабс-ротмистр Головинский, прибыл с целью ходатайства визы для въезда на территорию Англии! – чётко доложил Владимир по-английски.

– Очень хорошо! Я – консул. – Мужчина встал из-за стола.

Он оказался такого же роста, как и Владимир.

– Мистер Головинский, а почему вы хромаете? – консул подошёл к нему, – вы чем-то больны?

– Никак нет, сэр! Я был ранен в левую ногу во время взятия Екатеринодара... После госпиталя решил покинуть Россию.

– Мистер Головинский, а во время Великой войны на каком фронте вы воевали? – консул смотрел Владимиру прямо в глаза.

– На Юго-Западном. В Десятом гусарском Ингерманландском полку.

– Очень хорошо! Очень! Британской империи нужны люди с боевым опытом. У вас, я надеюсь, есть российский заграничный паспорт?

– Есть, сэр! – Владимир достал из нагрудного кармана своего кителя паспорт.

– Согласно последнего циркулярного письма правительства Его Величества, каждый въезжающий на территорию Англии должен располагать суммой в сто фунтов стерлингов. У вас, мистер Головинский, имеется такая сумма?

– Да, сэр! – Владимир, не стесняясь, снял с плеч вещевой мешок, поставил его на пол, рядом положил палку и стал искать деньги. – Вот, мои сбережения! – он показал пачку фунтов стерлингов.

– Солидно! – удивился консул, – то есть очень хорошо. Оставляйте ваш паспорт. Завтра с 16 до 17 часов вы можете

его забрать с проставленной визой. Да, вы должны заплатить консульский сбор. Так называется налог. Всего пять фунтов стерлингов.

Следующим утром Гловинский проснулся от жутких криков Елены Скиндинди: «Сволочь! Сволочь! Все деньги унёс! Все!!!»

Квартиранты вылезали из всех углов и спешили на помощь хозяйке.

– Что случилось! – спрашивали они её.

– Обокрали! Ой, обокрали! – продолжала вопить она, хватаясь за сердце.

– Евгений, что это с ней? – поинтересовался Головинский у Васнецова.

– Да какой-то постоялец узнал, где Елена хранит свою кубышку с деньгами и унёс её. Вот и суть суматохи. – Спокойно объяснил Евгений, зевая в кулак.

Сон ушёл. Валяться на шинели в коридоре уже не было никакого смысла. Владимир вышел во двор, умылся под ржавым жестяным рукомойником и ушёл бродить по городу.

Ветер стих. Было чудесное утро. Из шалашей вылезали люди и начинали разжигать костры. Не доходя улицы Серебряковской, Головинский наткнулся на два трупа: мужской и женский. Они были почти нагие. «Ночью зарезали и одежду всю сняли». – Вздохнул Владимир.

Полдня он потерял, бродя по барахолке, которая находилась сразу же за Привозом. Головинский хотел купить при-

личный гражданский костюм, туфли, пальто. Не мог же он приехать в Англию в своём потёртом офицерском мундире да ещё и с прожжённой шинелью. На земле, на арбах, повозках лежали вороха одежды. Но она была уже ношеной и так воняла нафталином, что вызывала у Владимира рвотные рефлексы.

«Придётся мне всё-таки ехать в мундире! Разве можно надеть эту мерзость?» – он отворачивал лицо.

После долгих блужданий он вдруг увидел что-то до боли знакомое. Это был парадный, совершенно новый, офицерский мундир гусарского Ингерманландского полка.

– Боже мой! Боже мой! Этого не может быть! Не может! – шептал Владимир, не в силах от вести своего взгляда от доломана светло-синего цвета с оранжевыми шнурами и краповых чакчир.

– За сколько рубликов мундир этот отдашь, любезный? – спросил Головинский у пожилого казака.

– За двадцать тысяч! Но «николаевскими»! – усмехнулся тот своим беззубым ртом.

– За двадцать тысяч? – у Владимира глаза полезли на лоб. «Сумма чрезмерная! Торговаться? Нет, не буду! Куплю... Ведь это мундир моего полка! У меня же был такой же, но только в той, совершенно другой жизни».

– Франки возьмёшь? – спросил Головинский.

– Чо цэ такэ? – старик удивлённо открыл рот.

– Французские деньги. – Объяснил Владимир.

– А на шо оны мини? – казак смотрел на Головинского с подозрением, как на вора.

– Подожди тогда! Сейчас вернусь. – Попросил он деда и пошёл менять франки.

За несколько дней Владимир уже приобрёл опыт. Он сразу же нашёл «менялу» и сунул тому сто франков, которые были давно приготовлены и лежали в кармане кителя.

– Настоящие! Давай «николаевки»! – потребовал Головинский.

«Меняла» – худой мужичонка с золотым зубом, не произнося ни слова, вынул из кармана мятых штанов толстенную пачку денег. Молча отсчитал и вручил сорок тысяч рублей.

«Маловато... – подумал Владимир, – да Бог с ним! Надо покупать мундир, потом что-нибудь из еды и быстро уходить отсюда».

– Во цэ гроши! – обрадовался дед, – забирай! Тилькы малый он для тыбы.

– Знаю. – Коротко ответил Головинский, пряча мундир в вещевой мешок.

Вернулся Владимир уже вечером. Настроение у него было приподнятое. Паспорт с английской визой лежал в кармане, а столь ценный для него офицерский мундир гусарского Ингерманландского полка – в вещевом мешке.

– Елена, собирай всех постояльцев. Ужинать будем. – Он выложил на стол круги малороссийской колбасы, большой кусок копчёного сала, хлеб и шоколад.

– Вот это мущина! Вот это кавалер! – с восторгом завизжала Скиндиринди. – Где мои сеснадцать лет? Я бы за тебя высла замус. Знаес какая я была тогда красивая? – рыхлое большое тело Елены заколыхалось от вздохов.

– Это тебе! За квартиру! – усмехнулся Головинский и протянул хозяйке деньги.

– Красавчик! Кавалер! – с нежностью прошептала Елена, пряча ассигнации в бюстгальтер.

Через три дня, простившись с Васнецовым, у которого возникли проблемы с визой, потому что консул Франции никак не хотел признать его заграничный паспорт правительства Вооружённых Сил Юга России за официальный документ, Владимир захромал а порт.

У самого входа на восьмую пристань, где стоял пришвартованный пароход «Ганновер» с английским флагом на корме, взгляд Головинского случайно остановился на плакате ОСВАГа «Вниманию отъезжающих! Спешите записаться в очередь к позорному столбу в день торжества России!»

– Подонки! – прошептал Владимир, и у него почему-то защемило сердце. – Нет уже России! Вы её сами же подарили врагам и предателям.

За двадцать два фунта стерлингов капитан «Ганновера» выделил Головинскому отличную одноместную каюту с трёхразовым питанием.

Пароход отчалил от пристани в двадцать три часа. Владимир даже не вышел на палубу, чтобы проститься с Родиной.

Наконец-то ему удалось принять настоящий горячий душ. После этого Головинский принялся бриться. В зеркале он видел своё лицо.

«Двадцать пять лет, а я всё похож на мальчишку: нос курносый, глаза васильковые, лёгкий румянец на щеках. Когда же моё лицо начнёт взрослеть? Ведь мне всегда дают не больше двадцати лет! Наверное из-за моих волос цвета спелой пшеницы. Постой, постой... – он внимательно всмотрелся, – выгорели наверное. Да нет... Цвет изменился! Да, да цвет изменился у волос! Они же все седые!» – дошло вдруг до Владимира.

Вернувшись к себе в каюту, он обнаружил в вещмешке свой парабеллум: «А это уже непорядок!»

Он открыл иллюминатор и выбросил его в море.

На Лондонской таможне чиновник, брезгливо морщась, попросил показать содержимое вещмешка.

Головинский принялся его развязывать.

– Хватит, достаточно! Запрещённого ничего не везёте? – отворачивая лицо, пробурчал чиновник.

– Нет!

– Ну хорошо! Проходите!

Был замечательный осенний день. Слабые солнечные лучи наполняли городские улицы светом. Повсюду люди, автомобили.

«Мирный город. Спокойная жизнь... Даже странно как-то видеть это после двух лет гражданской войны на Родине». –

Думал Владимир, рассматривая Лондон из окна такси.

Он снял небольшую квартирку в красивом старом доме, недалеко от вокзала Виктория, заплатив за неделю.

Утром уже не было солнца. Чёрное небо, серые дома... На улицах очень много мужчин в военной форме и инвалидов без рук или ног. «Эхо Великой войны!» – вздохнул Владимир.

В течение дня он купил три костюма, несколько пар ботинок, туфель, шляпы, рубашки, галстуки, вместительный чемодан и удобную трость. Но самое главное было в том, что Владимир, совершенно случайно, наткнулся на ателье, где шили военное обмундирование.

– Вы сможете изготовить точно такое, только моего размера? – спросил Головинский у юркого портного, вручая тому офицерский мундир гусарского Ингерманландского полка.

– Мистер, нет проблем! Мы можем сшить для вас любой мундир всех европейских армий. У нас есть золотая и серебряная нить, пуговицы и все необходимые аксессуары. Если пожелаете, то и головной убор. – Успокоил Владимира портной.

– Отлично! – обрадовался Головинский, – а вы могли бы мне...

– Если вам, мистер, нужна обувь для мундира, то это в следующем квартале. Там, я вас уверяю, вы найдёте всё!!! – угадав вопрос, объяснил портной.

К вечеру пошёл дождь. Сначала мелкий, а потом сильный

и частый.

Вернувшись к себе, Головинский включил газовую печь. В квартире стало тепло и даже уютно. «Удачный день, – радовался он, – столько всего удалось сделать. Только вот надо срочно заняться «шлифовкой» английского языка. Моё произношение – это что-то страшное».

Утром за окном, не переставая, лил дождь. Владимир позавтракал в ближайшем кафе для мелких служащих, а затем купил большой чёрный зонт и вернулся домой.

Следующие три дня были похожи друг на друга: дождь, дождь и дождь. Не мелкий, типично Лондонский, а сильный, интенсивный и очень холодный. Головинский выходил из дому только для того, чтобы купить газеты и поесть в кафе. Он уже ходил в гражданской одежде. Надевать костюм, повязывать галстук стало для Владимира настоящей мукой. Ведь всю свою жизнь он носил военный мундир! Надо было также надевать ботинки и завязывать шнурки. Это процедура стала для него просто пыткой.

На чтение толстых «The Times» и «The Observer» у него уходил почти целый день. Вскоре Владимир узнал, что недавно в Лондоне был создан «Комитет помощи русским беженцам», который помогал русским иммигрантам найти работу и жильё в Англии. Поверенный в делах России Саблин Е.В. также был готов оказать соотечественникам посильную помощь.

На четвёртый день дождь перестал. Сырой холодный ту-

ман не хотел покидать столичные улицы. Головинский, после завтрака, решил подстричься. За углом располагалась парикмахерская. Работали двое цирюльников. По английски они говорили чисто и бегло, но тёмный цвет кожи и густые волосы выдавали в них выходцев из дальних окраин Британской империи.

– Мой брат работает на железной дороге в Аргентине, – рассказывал рыжий толстячок, сидящий в соседнем кресле, – очень доволен. Зарплата высокая, страна хорошая, прекрасный климат. Говорит, что едят там в основном мясо: говядину.

Цирюльник, который его стриг, деликатно поддакивал или задавал короткие вопросы для поддержания разговора.

– Я вот тоже думаю об Аргентине, – продолжал толстячок, – может поехать? Денег заработать, да и посмотреть?

– Да, да, мистер. – Тихо отвечал ему парикмахер.

Своей стрижкой Головинский остался доволен. «Наконец-то я восстановил свой облик, какой у меня был до октябрьского переворота». – С удовлетворением подумал он, смотря на себя в большое круглое зеркало.

Вечером вновь пошёл сильный дождь. Простреленные руки стали ныть, а раненая нога не дала ему спать. От сильной боли Владимир скрипел зубами, ворочался в постели. «Надо к доктору идти». – Решил он.

Утром Головинский в «The Daily Telegraph» обнаружил большую и хорошо написанную статью об Аргентине. Автор

так интересно красочно описывал природу этой страны, традиции и блюда креолов, её населяющих, что Владимир возвращался к тексту раза три.

«Правительство Аргентины со времён президента генерала Рока проводит политику под лозунгом «Управлять – это значит населять страну» и приглашает на постоянное жительство всех желающих со всего мира». – Так заканчивалась статья.

Из географии Владимир помнил, что сейчас в Южном полушарии – весна, а об Аргентине только рисунок из учебника: высокие горы и летящий над ними кондор. «Надо было в кадетском корпусе географии больше внимания уделять!» – с огорчением вздохнул он.

Мысль об Аргентине не выходила из головы. Мучала Головинского: «Почему бы мне поехать туда? Если понравится – то останусь! Если нет – вернусь! В конце концов я имею право путешествовать? Имею! Деньги есть, желание тоже. Надо решаться!»

Через день Владимир посетил Посольство Аргентины, где написал прошение на английском языке о предоставлении ему визы для постоянного проживания в этой стране.

– Оставьте ваш паспорт, мистер Голо-голо – головиски! Через неделю будет готово! – пообещал Головинскому чиновник в годах с грустным лицом.

15 октября 1919 года Головинский поднялся на борт пассажирского пароходе «CHRISTOPHER», водоизмещением

4400 тонн, который отходил из Лондона в Буэнос-Айрес. На руках у него был билет в каюту первого класса.

Его соседом по столу, в кают-компании, стал высокий седой мужчина сорока пяти лет. Головинский сразу отметил прекрасные манеры и отличное воспитание этого человека. Стюард ещё не принёс завтрака, а они уже познакомились.

– Александер Смит! – мужчина встал из-за стола и едва поклонился.

– Владимир Головинский! – он встал и по привычке щёлкнул каблуками, но левую ногу сразу же пронзила резкая боль.

И звук при этом получился какой-то странный. «Я же в этих проклятых ботинках!» – покраснел Владимир.

– Я сразу понял, что вы – русский и офицер! – улыбнулся Смит.

– Да!

– Прошу прощения за вопрос, по каким делам в Аргентину? – начал пытаться Головинского Александер.

– Очень хочется увидеть эту страну. – Признался Владимир.

– Вот как! – удивился Смит, – а я думал, что по делам.

– У меня нет никаких дел, после того, как я покинул Россию. Буду пытаться найти себя. К моему огорчению, только совсем недавно, я понял, что умею только воевать и больше ничего... Четыре года Великой войны и полтора – гражданской. – Рассказал Головинский, испытывая к своему собеседнику симпатию.

– Я вас понимаю. – С сочувствием согласился с ним Александр.

Головинский и Смит сдружились. Ежедневно, по несколько часов, они прогуливались по палубе и беседовали на различные темы. Но главной была, разумеется, Великая война. Александр – военный хирург, с первого и до последнего её дня, служил в госпиталях и не по рассказам других знал, что это такое.

– После войны, мне предложили место в Британском госпитале в Буэнос-Айресе. Я долго думал, сомневался, а потом всё-таки решился и до сих пор об этом не жалею. Вот совершил поездку на родину, где провёл почти два месяца отпуска. На следующий год поедем всей семьёй: я, супруга и двое сыновей. А вы, Владимир, женаты?

– Я закончил Николаевское кавалерийское училище, и началась война. Сражения, ранения... Некогда было. – Вздохнул Головинский.

– Ничего, ничего! Не переживайте, Владимир, вы ещё очень молоды. – Успокоил его Смит.

За пятнадцать дней Головинский уже знал об Аргентине столько, что ему хотелось быстрее сойти на землю в порту Буэнос-Айреса. У него было время, чтобы вырезать из плотного картона толстые стельки для левых ботинка и туфли.

– Мы должны будем пройти медицинское освидетельствование, когда прибудем. Для пассажиров первого класса – это, зачастую, чистая формальность. Но, вдруг, попадётся

какой-нибудь рьяный медик. А в Аргентину въезд для инвалидов и больных серьёзными заболеваниями такими, например, как туберкулёз, сифилис – запрещён. Вы свою трость за борт выбросите на подходе к Буэнос-Айресу. Вложите стельку толстую в ботинок. Старайтесь ходить так, чтобы никто из врачей или чиновников отдела миграций не заметил вашей хромоты – Давал очередной совет Смит.

– Спасибо, Александер! – искренне благодарил того Владимир.

– Не за что! Мы же с вами – союзники и воевали против общего врага. – Отечески похлопывал Александр его по плечу.

Глава вторая

Париж Южной Америки

30 октября пароход «CHRISTOPHER» вошёл в акваторию порта Буэнос-Айреса и пришвартовался к причалу напротив огромного бетонного здания, похожего на склад. Но Головинский уже знал, что это был ОТЕЛЬ для иммигрантов. Здесь все, кто прибыл могли целую неделю жить и питаться бесплатно.

– Кормят там неплохо. Просто, но очень сытно, четыре раза в день. Но вот спальное помещение больше похоже на огромного размера ночлежку для бездомных. – Рассказал Владимиру Смит ещё несколько дней назад.

– Всем пассажирам парохода оставаться на своих местах. Сейчас на борт поднимутся врачи для медицинского освидетельствования. Они начнут с пассажиров первого класса, – раздался голос на английском языке из мощного рупора.

Затем приказ был повторён на испанском языке.

В каюту к Головинскому вошли двое. Толстый мужчина в грязном белом халате и юноша лет двадцати в сером кителе с бляхой на груди.

Толстый устало посмотрел на Владимира, изобразил подобие улыбки, что-то произнёс по-испански.

– Добро пожаловать в Аргентину! – перевёл на англий-

ский язык юноша. – У вас есть сифилис, туберкулёз?

– Нет! – ответил Головинский.

– Физическая ущербность: отсутствие конечности или инвалидность по ранению или другим причинам?

– Нет! Я полностью здоров! – Владимир посмотрел в глаза доктору.

– Хорошо! – ответил тот по-английски и поставил маленькую печать в паспорте Головинского.

– Мистер, вы можете сойти на берег для прохождения других административных формальностей. – Почти торжественно объявил переводчик.

– Спасибо! – улыбнулся Головинский.

Владимир спускался по трапу и постанывал от боли в левой ноге. «Как мне сейчас не хватает трости или какой-нибудь палки!»

На первом этаже Отеля для иммигрантов располагалась таможня и миграционный отдел.

– Откройте ваш чемодан, мистер! – на корявом английском попросил Головинского худой чиновник в сером пиджаке с бляхой на груди.

– Всё нормально! Благодарю вас, мистер! – чиновник поставил в паспорт Владимиру печать.

– Владимир, вам сейчас в отдел миграции! – послышался сзади голос Смита.

Головинский обернулся.

– Я уже прошёл таможенный контроль. Миграционный

контроль я не прохожу, у меня ведь есть местные документы. Меня на улице ждут супруга и сыновья. – Перед ним стоял Смит.

– Спасибо вам, Александер! – подал ему руку Головинский.

– Вам, Владимир, спасибо за прекрасную компанию, которую вы мне составили в этом длительном путешествии. Вы знаете, где меня найти. Я вас очень хочу увидеть ещё! – Смит крепко пожал руку Головинского, – спешите пройти миграционный контроль. Сейчас на берег спустится публика из второго и третьего класса и вы можете сегодня не успеть. Счастливо вам!

Владимир сидел за столиком напротив чиновника миграционного отдела. Лысый, одуревший то ли от скуки, то ли от работы мужчина лет пятидесяти медленно копировал все данные паспорта Головинского в какие-то бесконечные формуляры.

– Подпишите здесь! – чиновник произнёс на скверном английском языке и ткнул своим пальцем с длинными грязными ногтями в лист бумаги.

Владимир поставил свою подпись.

– Теперь тут! Потом здесь! И здесь, пожалуйста! – чиновник громко зевнул, широко открывая рот.

– Подписал, мистер шеф! Что делаю дальше? – Головинскому хотелось уже бежать отсюда.

– Будем «откатывать» ваши пальцы, – сообщил ему лысый

и достал из ящика стола, валик, краску чёрную и «подушечку для печатей».

Теперь чиновник валиком пачкал пальцы Владимира краской и просил оставлять их отпечатки на многочисленных формулярах.

Сначала – правая рука, затем – левая. Снова – левая...

– Подпишите здесь! Вот вам справка, с нею вы, сеньор Голови-голов – Го-ло-винский в любой комиссарии столицы можете ходатайствовать Седулу Национальной Идентификации. Это аргентинский документ, удостоверяющий вашу личность. Всё! Вы свободны! – тяжело вздохнул чиновник.

– Мистер, а руки где я могу вытереть или вымыть? – Владимир показал свои пальцы со следами краски.

– Может о брюки или пиджак. – Совершенно серьёзно посоветовал ему чиновник.

«Ну и нравы здесь дикие!» – подумал Головинский, доставая из кармана пиджака носовой платок.

Миграционный отдел был уже забит людьми. Кого здесь только не было! Арабы в платках на головах, бородатые мужики в дублёнках, евреи в чёрных одеждах и широкополых шляпах. Женщины в паранджах, полуголые сопливые дети, ползающие по грязному полу...

«Успел! Слава тебе, Господи!» – с облегчением перекрестился Владимир.

Он вышел на улицу. Было уже шестнадцать часов пять ми-

нут.

«Как быстро время пролетело!» – удивился он.

К нему сразу же подбежали человек десять. Все что-то говорили, перебивая друг друга, назойливо совали в руки четвертинки бумажек. Владимир улавливал только два слова «Пэнсьон» и «Монастырик».

– Нет! Нет! – кричал он по английски и отмахивался свободной рукой.

Сильно хромая, он прошёл около двух кварталов и увидел автомобиль Форд чёрного цвета с надписью «Такси». Головинский поднял руку.

– Отель «Бристоль». – Сказал Головинский, устраиваясь на заднем сиденье автомобиля.

Владимир с интересом смотрел в окно. Широкий проспект, по тротуарам шагают сотни хорошо одетых людей: мужчины, почти все, в костюмах и галстуках. Женщины в шляпках. Ну автомобилей было раза в три больше, чем он видел в Лондоне. Движение было левосторонним, как в британской столице. Увиденное его поразило. «Какая загадочная и неизвестная миру страна,» – подумал Владимир.

Шофёр остановил в входа в гостиницу. Головинский сунул ему ассигнацию в 10 франков, ожидая реакции. Шофёр, радостно заулыбался, но сдачи не дал. «Значит всё нормально». – Подумал Головинский.

Выбежавший из дверей «Бристоля» юноша в красной жакетке, помог Владимиру выйти и схватил его чемодан. Нога

жутко болела. Он медленно шёл...

За стойкой с надписью «RECEPCION» сидел мужчина лет сорока с напыженными волосами и «усиками – щёточками».

– Добрый день, мистер! С прибытием в город Буэнос-Айрес! Какой номер вы желаете и на какой срок? – выпалил он прекрасном английском языке.

– Здравствуйте! Не знаю ещё на сколько дней, но номер приличный. – Ответил Головинский.

– Пять песо в сутки – шикарный, двухкомнатный люкс вас устроит? – предложил мужчина.

– Да! – коротко ответил Владимир.

«Смит мне рекомендовал этот отель. Говорил, что за три песо здесь есть приличные номера. Разница три или пять!» – думал Головинский, хромя вслед за юношей в красной жакетке.

Ужинал Владимир в отеле. Заказал овощное рагу с курицей, чай и пирожные.

– Вам добавят в ваш счёт за проживание! – поклонился официант, отказавшись принять деньги.

Утром Головинский, надев лёгкий костюм и туфли, не завтракая, вышел, чтобы познакомиться с городом. В первую очередь ему нужно было купить приличную трость и поменять деньги. На всякий случай он взял с собой франки, английские фунты стерлингов и несколько золотых монет.

9 часов утра... Проспект Коррьентес забит автомобилями

и повозками. Звенят новенькие трамваи. По тротуару «течёт» людской поток. Припекает солнце.

Головинский помнил рассказы Смита о ценах на различные товары, о их дешевизне, но ему, лично, хотелось убедиться в этом. Левая нога болела, поэтому приходилось останавливаться через каждые 5 минут, чтобы дать ей успокоиться. Так он и «доковылял» до Банка. Назывался он «Банко де Ла Насьон». Владимир вошёл и сразу же увидел чёрную школьную доску, только меньше размером. На ней мелом были написаны цифры. Он сразу же понял, что это и есть курс аргентинского песо на сегодняшний день.

«1 североамериканский доллар = 2.232 аргентинских песо

1 фунт стерлингов Великобритания = 10.783 аргентинских песо

1 франк Франция = 0.798 аргентинских песо».

Там были указаны названия денег других стран, но Головинского этот уже не интересовало. Он быстро поменял двадцать фунтов стерлингов и стал обладателем целых двухсот пятнадцати местных песо.

В магазине на проспекте Коррьентес, где продавалась одежда для «настоящих джентльменов», Владимир увидел и трости. Он зашёл. Перед ним, на стене, висела целая коллекция тростей: тонкие, потолще, совсем толстые. Разных цветов и с различными рукоятями.

Головинский выбирал, неспеша, опираясь на них, пробуя удобны ли.

Купил две самых толстых и солидных с резными рукоятками.

– Сеньор, они очень дорогие! Импортированы из Канады! – предупредил его продавец, блеклый мужичонка, лет тридцати.

– Сколько? – спросил по – английски Владимир.

– Пять песо двадцать сентаво! – также на английском языке ответил продавец.

– Меня устраивает. Я их покупаю! – объявил Головинский.

Теперь, опираясь на трость, ему было гораздо легче и удобнее шагать. Другую – Владимир нёс в левой руке. «Где я? – спрашивал он сам себя. – В Нью-Йорке? В довоенном Париже? Ну уж точно не в Лондоне! В английской столице я не чувствовал себя так удобно, как здесь».

По улицам с левосторонним движением проносились новые, сияющие краской и лаком автомобили. Мчались трамваи, скрипя на поворотах и звеня в колокольчики. Сверкали своими вымытыми стёклами витрины магазинов дорогой французской одежды, английского сукна и табака.

На прилавках ювелирных лавок, переливаясь всеми цветами радуги, лежали драгоценности из Голландии и последние модели часов из Швейцарии. На улице Флорида из дверей одного из ресторанов исходил такой вкусный запах, что Головинский не смог устоять и зашёл. Здесь ему предложили ароматный кофе и нежные хрустящие круассаны, которые

почему – то назывались «медиалунами».

«Когда же в последний раз ел такую вкусноту?» – попытался вспомнить Владимир и не смог.

Все сидящие в ресторане пили кофе и листали газеты. Головинский попросил официанта, чтобы тот принёс ему «Ле Монде» и затем попытался сделать то же самое. У него не получилось! «Занятно, – надо потренироваться! А как ловко соседи управляют: глоток кофе, затем кусочек круассана, а другой рукой раз и перевернул страницу газеты!»

На углу улицы Флорида и проспекта Коррьентес Владимиру в глаза бросилась яркая и «кричащая» вывеска «Мужская одежда из Парижа. Весенняя коллекция».

Головинский вошёл. Юноша, лет двадцати, выскочил из-за прилавка и кинулся к нему.

– Доброе утро! – поздоровался по-французски Владимир. – Я бы хотел...

– Сеньор Анри! Сеньор Анри! – вдруг закричал юноша.

Сверху послышался быстрый топот. Это по металлической лестнице спускался мужчина лет пятидесяти.

– Доброе утро, мсье! – сказал он по-французски и слегка поклонился. – Чем я вам могу помочь?

– Я хотел посмотреть костюмы, чтобы выбрать что-нибудь подходящее для меня. – На своём безукоризненном французском языке объяснил Головинский.

– Разрешите представиться Анри Лусто – хозяин этого магазина, – почти торжественно произнёс мужчина и внима-

тельно осмотрел гостя своим хитрыми бегающими глазами.

– Головинский! – Владимир протянул хозяину магазина руку.

– Ах вы – русский! – удивился Анри, – а я был уверен, что разговариваю с одним из моих соотечественников.

– Да, я – русский! – подтвердил Владимир, – только вчера прибыл в Буэнос-Айрес из Лондона.

– Неужели? – искренне изумился Лусто, – и вы мсье Го-го-Головинский. – Подсказал Владимир.

– Прошу прощения! Мсье Головинский, у вас найдётся несколько минут, чтобы поговорить со мной? – вежливо поинтересовался Анри.

– Да, конечно! – сказал Владимир.

– Тогда я вас приглашаю в мой кабинет! – Лусто показал на дверь. – Педро, закажи нам кофе и пирожных! Да пусть принесут побыстрее! – приказал Анри юноше.

Кабинет хозяина магазина был обставлен дорогой мебелью из красного дерева. Повсюду лежали и висели рисунки, фотокарточки мужской одежды.

– Прошу вас, мсье Головинский, присаживайтесь! – Анри указал на кресло. – Скажите вы были в Париже?

– Да, конечно. Но давно ещё до войны. – Ответил Владимир.

– Ах Париж, Париж! Какой город! Самый красивый на свете! Самый уютный на свете! – закрыв глаза и, покачивая головой, мечтательно произнёс Лусто.

– Прошу прощения, мсье Анри, но мне кажется, что и Буэнос – Айрес тоже красивый город.

– Что вы сказали, мсье Головинский? Буэнос-Айрес – красивый город? – презрительно скривил свои тонкие губы хозяин магазина. – Где вы, мсье Головинский видели город? Это же хаотичное скопление каких-то несуразных строений! Жалкие копии домов Парижа и Лондона. И где? Только в центре города! А вы бывали на его окраинах?

– Ещё нет. – Признался Владимир.

– И не вздумайте! Вас там запросто могут ограбить и даже убить! – закатив кверху свои хитрые глаза, театрально воскликнул Лусто.

– Хорошо! Спасибо, мсье Анри, я обязательно учту ваши советы! – вежливо согласился Головинский. – Но музеи и картинные галереи здесь есть? Мне рассказывали что...

– Какие музеи? Какие картинные галереи? – почти крича, перебил Владимира хозяин магазина. – Поверьте мне, мсье Головинский, здесь нет ни одного достойного музея! Более того, в Буэнос-Айресе вы не найдёте ни одного выставочного зала, не говоря уже о картинной галереи. Это же столица креолов! А у них есть деньги, но отсутствует самая элементарная культура.

– Мне рассказывали, что местный Театр Колон самый большой и известный во всём Новом Свете. – Удалось, наконец, вставить фразу Головинскому.

– Да, это так! – почему-то с огорчением вздохнул Лусто и

тут же, захлёбываясь словами, выпалил:

– А вы знаете, мсье Головинский с какой целью он был построен? Не знаете! А я вам скажу правду. Театр Колон был построен для того, чтобы местные невежественные богатеи имели возможность демонстрировать друг другу свои наряды и украшения! Появляться два раза в одном и том же платье и тех же бриллиантах является самым большим позором для женщины столичного высшего света. Вы, мсье Головинский, думаете, что в Театр Колон ходят слушать оперу? Нет, нет и ещё раз нет! Туда ходят, чтобы похвастаться своим богатством!

А как ведут там себя эти латифундисты? Это же позор! Я, лично, присутствовал, когда пел ваш великий Шаляпин. От силы его голоса эти неграмотные и бескультурные богачи сошли с ума. Мужчины швыряли на сцену свои толстые бумажники, а их расфуфыренные жёны – драгоценности, которые срывали с себя.

Страстный и гневный монолог хозяина магазина прервал стук в дверь.

– Да! – недовольно закричал Анри.

В кабинет вошёл официант из соседнего ресторана с подносом в руках. Он выставил на стол две чашечки кофе, вазочки с печеньем и пирожными и удалился.

– Угощайтесь, мсье Головинский! – предложил Лусто.

– Спасибо! – поблагодарил Владимир и спросил:

– А местное метро? Я слышал отзывы о том, что оно яв-

ляется самым современным в мире.

– Метро! – раздражённо воскликнул Анри, – это же точная копия лондонской подземки. Ведь его строили англичане. Они всё, до последнего винтика, до самой последней гайки привезли из Британии. А почему? А потому, что креолы не имеют и не хотят иметь своей промышленности. Всё здесь привозное, скопированное и жутко безвкусное. Да ещё, когда будете ехать в местной подземке, то обратите внимание на цвет стен станций. Они все различны! Почему так? Знаете? Нет! А я вам объясню! В этой стране около 70 процентов населения – неграмотные. Они не умеют читать! И поэтому никогда не говорят «мне надо, например, доехать до станции Перу. Нет, креол скажет «я еду до коричневой станции». Или, покупая билет до станции Акойте, креол говорит «мне до синей». Я вам, мсье Головинский говорю истинную правду. Вы сами, совсем скоро, в этом убедитесь!

Кофе уже остыл. Владимир выпил его одним глотком и продолжил слушать жалобы хозяина магазина.

– Вы не представляете, как я страдаю в этой стране! Уже целых шесть лет! – Анри в отчаянии схватился за голову.

– Мсье Лусто, а почему вы так мучаетесь? Возвращайтесь на родину! Во Францию! Париж – это же самый красивый город в мире, – невинным тоном посоветовал Владимир.

– А что же я там буду делать? Кто во Франции за такие деньги у меня будет покупать мужскую одежду? Да ещё и сейчас, после такой войны! У французов нет денег. К сожа-

лению. Все деньги сейчас сосредоточены в руках безграмотных аргентинских латифундистов. – Анри посмотрел на Владимира, как на полного идиота.

Потом Головинский посмотрел пиджаки, которые предлагал ему сам хозяин магазина.

– Вот это чисто белый! Он мне понравился. – Сказал Владимир, указывая на летний лёгкий пиджак.

– Отличный выбор! Отличный выбор! – зачастил Лусто, – у вас, мсье Головинский, отличный великолепный вкус. Но для этого пиджака необходимы брюки. Этой весной – чёрные! Это невероятно гармония! Вы представляете: ослепительно белый пиджак и абсолютно чёрные брюки!

– Хорошо! Давайте и брюки. Чёрные. Да, ещё и рубашку и галстук! – согласился Владимир.

– Прекрасно! Замечательно! – Анри сам носился по магазину, снимая с полок рубашки и вытаскивая кипы галстуков из коробок.

Головинскому пришлось взять такси, чтобы отвезти в гостиницу все покупки.

После этого он решил пообедать. «Ни у кого не буду спрашивать, где находится хороший ресторан. Я должен выбрать его сам!»

Головинский, опираясь на трость, медленно шагал по улице Сан Мартин. Было жарко. «Как всё таки здесь хорошо после слякоти и холодной сырости Лондона, – он посмотрел на синее небо, – такое же было в Екатеринодаре, когда я вышел

из госпиталя».

Вдруг Владимир увидел высокое дерево с толстым стволом и большими листьями, которые почему-то были похожи на восковые. Но цветы белые и просто огромные сразили его. Он остановился и долго любовался ими. «Магнолия!» – догадался Головинский.

А чуть дальше, по улице Сан Мартин, находилось длинное двухэтажное здание покрашенное в красно-лиловый цвет, который «резал» взгляд. «Оригинально... – сокрушённо вздохнул Владимир, – а что же это такое? Какой-то постоянный двор наверху, а внизу – ресторан «Посада де 1820». Живописный конечно... Ну что? Попробую креольскую кухню?»

Худой официант подбежал к Гловинскому сразу же как тот только сел за свободный столик в глубине зала, по размеру похожего на конюшню.

– Я говорю по- французски или по- английски. – Сразу же предупредил Владимир официанта.

Тот на мгновенье запнулся, а затем медленно, стараясь произносить слова правильно, сказал на понятном французском языке:» Здравствуйте, мсье! Я рад буду предложить вам меню и карту вин. Если у вас возникнут вопросы, я вам сразу объясню».

Официант облегчённо вздохнул. Очевидно, что для него это было стало подвигом – произнести всё это на французском языке.

– Спасибо! Если возникнет необходимость я вас сразу же позову. – Ответил Владимир и погрузился в чтение меню.

Оно состояло из названий нескольких десятков блюд и было написано от руки каллиграфическим почерком на трёх языках: испанском, английском и французском.

«Паррижада комплета» – прочитал Головинский. «Что это такое? Очевидно, что мясо жареное на углях. Но здесь столько наименований, что французский язык не смог отобразить всего этого разнообразия. Но насколько я понял есть бифе, есть колбаски, есть печень и почки. Думаю, что...»

От мыслей Владимира оторвал официант. Он принёс блюдо наполненное жареными и печёными пирожками.

– Это эмпанады! В нашем ресторане – это входное блюдо. Бесплатно! – объявил официант, и его некрасивое длинное лицо покраснело от гордости. – Вы уже определились с блюдами?

– Да, уважаемый! Принеси ка мне бифе, колбаски и почки. Салат и бутылочку красного и очень хорошего вина на твой выбор. – Попросил Головинский.

– Сделаем! – ответил тот и сделал заметку карандашом на четвертушке бумаги.

– Прямо, как в питерском «Палкине»! – вспомнил вдруг Головинский свои загулы, будучи в отпуске после ранения в 1915 году. «Уважаемый» – точно также я обращался к половым, но тогда шампанское лилось рекой, под закуски и пение цыган».

Владимир осмотрелся вокруг. Увы «Посада де 1820» никак не был похож на питерский ресторан «Палкин». Здесь пол – это выщербленная плитка, со старинных потолочных балок свисают косы чеснока, стены выкрашены в цвет охры. Столы и стулья, как в дешевой галицийской харчевне. И оркестра никакого нет...

Эмпанады с начинкой из мяса и курицы оказались выше всех похвал. Когда он «уничтожил» последнюю, появился официант. Сначала он поставил на стол маленькую металлическую печь с тлеющими древесными углями, на решётке которой лежали: большой кусок мяса (бифе), две колбаски (чорисо), куски говяжьей печени и почек. Затем огромное блюдо с салатом из авокадо, помидоров, сладкого перца и трав, корзинку с хлебом. Потом на столе появилось глубокое блюдо с красного цвета сальсой.

– Это чимичурри! – официант показал на неё своим указательным пальцем, – а это прекрасное вино тинто, то есть красное. Называется «Каберне де дон Давид». Вам, сеньор, как раз к паррижаде.

Он ловко, одним движением, открыл бутылку и плеснул совсем чуть-чуть на дно бокала:

– Пробуйте, мсье!

Головинский сделал два глотка. Вино было терпким, густым и пахло спелой черешней и свежими грецкими орехами.

– Хорошее! – похвалил Владимир.

– Тогда приятного вам аппетита! – официант улыбнулся, а потом быстро удалился.

Так вкусно, сытно и с наслаждением Головинский не ел уже, наверное, года два. «А может быть и больше?» – начал вспоминать он.

Вино «ударило» в голову. От сытости глаза у Владимира стали закрываться...

– Сеньор, что вы желаете на десерт? – появился официант. – Могу предложить вам наше прекрасное миндальное мороженое.

– Давай! – не сопротивляясь, согласился Головинский.

Когда он покончил с десертом, посмотрел на часы. «Вот дела! Уже 4 часа пополудни! Полдня сижу за столом и ем! И куда это вмещается?» – удивился Владимир.

За этот роскошный обед Головинский заплатил всего четыре песо, да оставил официанту на чай две монетки по двадцать сентаво. Тот остался очень доволен.

«Правда сказал Смит, что цены на еду в Аргентине просто смешные». – Вспомнил Владимир в такси, когда возвращался в отель.

Головинский вошёл в номер. Сильно хотелось спать. Голова стала «свинцовой», глаза закрывались сами. Он разделся и лёг.

Проснулся в полночь и вышел на балкон. На проспекте Коррьентес было светло, как днём. На столбах горели мощные электрические фонари, на стенах домов мигали разно-

цветные лампы различных реклам. На тротуарах людей было гораздо больше, чем днём.

«Мне кажется, что это Париж». – Подумал Владимир и вернулся в постель.

На следующий день Головинский продолжал знакомиться с Буэнос-Айресом. Он решил посетить известный район Ла Бока, расположенный в том месте, где Риачуело впадает в реку Ла Плата. Погода была замечательной. Яркое солнце и синее небо... Владимир взял извозчика. Хороший откормленный жеребец, впряжённый хорошо ухоженную коляску, быстро мчался по булыжной мостовой.

– Мсье, вы я вижу иностранец, – на вполне сносном французском вдруг сказал извозчик, грузный мужчина лет сорока пяти. – Извините за любопытство. Англичанин?

– Нет, я русский! – ответил Владимир, внимательно смотря по сторонам.

– Ух ты! – искренне удивился извозчик, – слышал, что есть русские в нашей столице, но лично видеть не доводилось ещё. Путешествуете?

– Да, приехал посмотреть Аргентину.

– Правильно сделали, мсье. Это лучшая страна в мире! Это я вам говорю честно. – Убедительно сказал извозчик.

«И почему Смит мне рекомендовал мне посетить этот район? Не понимаю?» – сетовал Владимир, пробираясь по грязным немощёным улочкам между ветхих домов, выкрашенных во все цвета радуги.

«Для Александера – это наверное экзотика, а для меня обыкновенный район, где обитают портовые рабочие».

Цветные домишки сменялись угольными складами, альмасенами – магазинами, где продавались товары для пролетариата: хлеб, макароны, керосин и большие бутылки с вином.

«Очень мало прохожих почему-то?» – удивился Владимир и вдруг услышал громкие крики и грязные ругательства на английском языке. Из-за угла показались трое пьяных английских матросов и пошли навстречу ему. Один из них, случайно, или нарочно, сильно толкнул своим локтём Головинского. Владимир едва устоял на ногах.

«Вот они, хозяева мира!» – со злом подумал он, наблюдая за моряками.

Они остановились у двери в какой-то то ли склад, то ли альмасен. Громко кричали, а потом зашли. Головинский, хромя, последовал к этому строению.

Откуда – то, вдруг, послышался вкрадчивый мужской голос. На пороге стоял парень лет двадцати и что-то говорил по-испански.

– Я не понимаю! – ответил по-английски Владимир.

– Сэр! Сэр! – мгновенно перешёл на английский юноша, – заходите сюда! Не пожалеете! Я вас в этом заверяю! Это невероятно!

– Что невероятно? – поинтересовался Головинский.

– Аргентинская порнографическая фильма! Девочки такое вытворяют, что вы себе даже и представить не можете! –

тараторил парень.

– Нет! Спасибо! – Владимир отвернулся от назойливого юноши и собрался уже идти.

– Сэр, в зале тоже девочки! Красивые! Они вам сделают абсолютно всё, что вы пожелаете! – зазывала схватил его за локоть.

– Пошёл вон! – Головинский замахнулся на парня тростью.

Тот сразу же прыгнул в открытую дверь.

«Боже мой! Какая мерзость! Какая пакость!» – от гнева, охватившего его, Владимир повернул в какой-то переулок, который закончился тупиком. – Как же отсюда выбраться? И спросить не у кого... Ладно вернусь назад, а потом разберусь».

Цветные домики неожиданно исчезли, и, вместо них появились огромные кучи песка, щебня... Запахло свежестью воды.

«Это я в порт ненароком попал!» – понял Головинский.

Обойдя штабеля брёвен, он очутился на пустыре. Над ним стоял сизый туман от жарящегося здесь мяса. По всему периметру пустыря стояли большие металлические решётки, под которыми тлели раскалённые древесные угли. А сверху лежали сотни, а может быть и тысячи, больших кусков, шипящего на огне и вкусно пахнущего мяса. Повсюду, прямо на земле, сидели портовые грузчики. У них, очевидно, был обеденный перерыв. Грузчики ели мясо. Головинский обра-

тил внимание, как они это делали. В правой руке – нож, а в левой – приличный ломоть хлеба, сверху которого лежал большой кусок мяса. Этот сэндвич вкладывался в рот и у самых губ обрезался острым ножом. Затем отрезанный кусок неторопливо и очень тщательно прожёвывался. Все молчали... Только шипение мяса на решётках да крики маленьких зелёных попугаев нарушали тишину на площади.

После блужданий среди штабелей ящиков Владимир наконец-то вышел на широкую дорогу, мощённую булыжником. Здесь он увидел группу рабочих одетых в жуткие лохмотья, которые ремонтировали полотно железной дороги. Руководил ими невысокий рыжий мужчина с бакенбардами до подбородка. На голове у него красовался пробковый шлем. «Англичанин!» – подумал Головинский и чуть не спотыкнулся о шпалу. Она была странного красного цвета. Дерево, но необычайно красивое.

– Добрый день, мистер! – поздоровался он с рыжим мужчиной в пробковом шлеме.

– Здравствуйте! – вздрогнул тот от неожиданности, услышав английскую речь.

– Мистер, я немного заблудился. Вы бы могли мне подсказать, как я могу выбраться из этого ада? – в шуточной форме спросил Владимир.

– Да, конечно, мистер! Продолжайте идти прямо и попадёте на проспект Пасео Колон. – Очень вежливо ответил тот.

– Благодарю вас, мистер! У меня вопрос. Вы разрешите?

– Да, мистер, пожалуйста! – с готовностью ответил тот.

– Из какого дерева изготовлена шпала? Очень цвет у неё красивый.

– Это красное дерево, мистер. – Просто ответил рыжий и, увидев выражение лица Головинского, засмеялся:

– Я сам поначалу, когда два года назад приехал работать в эту страну по контракту, чуть с ума не сошёл. Шпалы из первоклассного красного дерева, из которого надо делать мебель! Ничего не понимал... Ну а сейчас уже привык. Аргентина – страна богатая своими ресурсами и креолам абсолютно всё равно, какая древесина идёт на шпалы. Для них красная даже лучше. Ведь не надо её ничем пропитывать от гниения. Красное дерево будет лежать в земле лет сто, а может быть и больше.

– Да ну... – искренне удивился Владимир.

– А вы, мистер, я вижу совсем недавно приехали? – рыжий снял свой дурацкий пробковый шлем.

– Да. – Ответил Головинский.

– Готовьтесь, мистер к тому, что эта страна вас постоянно теперь будет удивлять. Несмотря на многие странности, жить здесь можно. Очень хорошо жить! Я скоро привезу сюда свою семью. Думаю, что моя супруга и мои дети влюбятся в Аргентину.

– Спасибо, мистер! Удачи вам! – Владимир попрощался лёгким поклоном головы.

Настроение у Головинского стало улучшаться. Ну а после

вкусного обеда в одном из ресторанчиков, который попался ему по пути, к нему окончательно вернулось прекрасное расположение духа. Владимир съел телячью отбивную, которая по-испански называется «миланеса». Она была длиной почти в один аршин, и её Головинскому подали на специальной тарелке, с трудом уместившейся на столике. Бутылочки красного вина «Лопес» как раз хватило, чтобы запить эту кулинарное чудо. От десерта Владимир отказался. Заплатил он за обед всего один песо и пятьдесят сентаво.

После этого, он на такси приехал на Пласу де Майо, где впервые увидел президентский дворец «Касу Росаду», который на него не произвел никакого впечатления. «Дом в три этажа, выкрашенный в красный цвет. Без особых архитектурных особенностей». – Пришёл к выводу Головинский и спустился на станцию столичного метро.

Анри Лусто был прав! Здесь всё было английским. Вагоны, рельсы, турникеты... Всё было привезено из Великобритании. И униформу служащие метро Буэнос-Айреса тоже носили английскую! Движение под землёй также было левосторонним. У всех станций стены выкрашены в разные цвета. «Лусто сказал правду». – Признал Владимир.

На проспекте Коррьентес, почти в каждом квартале, находился, как минимум, один кинематограф. «Когда же я в последний раз смотрел фильму?» – попытался вспомнить Владимир, но не смог. – Года три назад, наверное».

В двадцать два часа, когда он вышел из отеля, по тротуа-

ру невозможно было пройти. Сплошной людской поток. Открытые рестораны, кафе, бары и кинематографы тоже. Головинскому удалось купить билет на картину «Амалия», которую показывали в роскошном «Гран Рексе».

На следующий день Владимир поднялся в первый же попавшийся трамвай, который имел табличку «27». Он заплатил контролёру три сентаво и уселся на жёсткое деревянное сиденье.

Сначала трамвай резво мчался по широкому проспекту Ривадавия, стуча колёсами на стыках рельсов и громко звеня на перекрёстках. Многоэтажные дома сменялись площадями и парками. Повсюду пестрели вывески мясных, овощных лавок, булочных, ресторанов, различных магазинов и магазинчиков.

Минут через двадцать трамвай свернул на узкую улочку с разбитой булыжной мостовой. Вскоре Владимир стал замечать странные строения из глины с крышами из сгнившего камыша... Потом исчезла и булыжная мостовая. Трамвай очень медленно ехал по улочке, состоявшей из глубоких и не очень глубоких ям. А потом остановился. Контролёр что-то громко объявил. Люди стали выходить из вагона. «Последняя остановка». – Догадался Головинский и поднялся со своего сиденья.

«Боже мой! Куда это я попал?» – подумал Владимир, озираясь вокруг. Среди куч мусора виднелись лачуги сооружённые из разрезанных на куски бочек из-под керосина. В лу-

же лежала большая чёрная свинья. Худые собаки с облезшей шерстью с лаем и визгом дрались из-за объедков. У входа в одну из лачуг сидели несколько человек и сосали что-то из ржавой трубочки, торчавшей из тыковки, которую они передавали друг другу.

«Это они пьют мате. Смит мне много рассказывал об этом напитке и варварской традиции его употреблять. Мате – это напиток, по вкусу похожий на зелёный чай. Пьют его из высушенной тыковки, куда насыпают горсть высушенных листьев мате, а потом добавляют тёплую воду. Сосут из трубки (бомбилы) по- очереди. Александр рассказывал также, что при такой манере употребления передаются разные заболевания. Туберкулёз, например! Полностью с ним согласен: жуткая и опасная традиция!»

Две юные девушки, с вызывающе покрашенными губами и сильно наруганными щеками, медленно шагали, чтобы не наступить в глубокую лужу. Увидев Головинского, они принялись ему что-то кричать и посылать воздушные поцелуи. Владимир демонстративно отвернулся.

В тени чахлого дерева небритый старик в грязных лохмотьях доил худющую корову. Возле него стояли три женщины с пустыми кувшинами из жести.

Громко звеня, подъехал трамвай. Головинский пропустив всех, поднялся последним.

«Быстрее отсюда! Быстрее!»

В отеле важный толстяк лет сорока, стоявший за стой-

кой, вручил Владимиру ключи от его номера и сказал по – английски: «Я уверен мистер Головинский, что вам понравился наш красивый город. Ведь Буэнос-Айрес – это Париж Южной Америки».

Глава третья

Вкус хорошей жизни

На четвёртый день своего пребывания в Аргентине Головинский определился: «Я остаюсь! Не знаю ещё на сколько, но остаюсь. Я чувствую себя очень комфортно. Надо начинать новую жизнь».

Владимир сел в такси и поехал в Посольство Российской империи в Аргентине. Почему-то он думал, что будет сложно добиться аудиенции у кого – либо из чиновников. Но Головинского сразу же принял сам Посол- Евгений Фёдорович Штейн.

– Здравствуйте, ваше превосходительство! Разрешите представиться бывший поручик Ингерманладского гусарского полка, бывший штабс-ротмистр Корниловского конного полка Головинский Владимир Юрьевич. – Чётко доложил он вытянувшись по стойке смирно.

– Дорогой вы мой, проходите! Проходите! – Штейн, грузный мужчина лет шестидесяти, с густыми седыми волосами и бакенбардами на пол-лица вышел из-за стола и пошёл ему на встречу.

Протянул руку: «Штейн. Вы, Владимир Юрьевич что предпочитаете кофе, чай или мате косидо?»

– Кофе! Если можно? – попросил Владимир.

– Конечно можно! Иван Петрович, сделайте нам два кофе! – крикнул Посол. – Проходите, Владимир Юрьевич, располагайтесь в любом из кресел.

– Благодарю вас! – Головинский, опираясь на трость и сильно хромя, подошёл к маленьком столику, стоящему у окна.

Сел в кресло, которое стояло там. Напротив устроился Штейн.

– Вы меня, Владимир Юрьевич, великодушно простите за любопытство, но что у вас с ногой? – участливо поинтересовался он.

– Я был ранен в ногу во время взятия Екатеринодара в августе прошлого года, кроме того, при падении с коня случился открытый перелом. Кость не сраслась как положено, – коротко объяснил Головинский.

– Боже мой! Какой ужас! – закрыл на мгновенье глаза Евгений Фёдорович. – Вам нужен очень хороший хирург. Если пожелаете, то я вам могу порекомендовать. В Буэнос-Айресе, кстати, есть очень много хороших врачей различных профилей.

– Спасибо, ваше превосходительство! На пароходе, по пути в Аргентину, я познакомился с одним английским военным хирургом. Он пообещал восстановить мою ногу.

– Очень хорошо! Очень хорошо... Но имейте ввиду, что моё предложение остаётся в силе. Я также вас, Владимир Юрьевич, хотел бы попросить не величать меня «превосхо-

дительством»! Обращайтесь ко мне по имени и отчеству: Евгений Фёдорович. Пожалуйста!

– Хорошо! – согласился Головинский, прошу прощения за беспокойство, Евгений Фёдорович, но я пришёл просить у вас совета. – Владимир сделал длительную пауза и посмотрел в глаза Послу.

– Я вам могу обещать любую помощь с мой стороны, за исключением финансовой. – Ответил тот, не отводя глаз, и продолжил:

– Вы же понимаете, Владимир Юрьевич, что я – Посол уже несуществующей страны. Мне это очень горько осознавать, но это так. Посольство не финансируется с апреля 1917 года. Я не мог платить сотрудникам, и они ушли на «свои хлеба». Вместе со мной служат ещё два чиновника и всё.

– Евгений Фёдорович, моё финансовое положение довольно неплохое. Вам могу сообщить почему. Дело в том, что моя тётушка Анастасия Михайловна, перед смертью, отдала мне все свои сбережения и драгоценности. Мне удалось сохранить их большую часть в трудные годы гражданской войны. За четыре дня пребывания в Буэнос-Айресе пришлось узнать цены на питание и одежду. К моему собственному удивлению, я сделал вывод, что являюсь состоятельным человеком...

– Разрешите! – послышался хриплый голос, и дверь открылась.

Головинский прервался.

– Вот, Евгений Фёдорович, как вы и просили, – в кабинет вошёл маленький, совершенно лысый старичок, с подносом в руках.

Он поставил на стол две чашечки с кофе, сахарницу и немедленно вышел.

– Прошу вас, Владимир Юрьевич! – Штейн сделал широкий жест руками. – А семья у вас есть? – спросил он после того, как сделал глоток кофе.

– Нет! Я остался совершенно один. Родители и две сестры погибли в декабре 1917 года, когда на наше имение в Орловской губернии напала вооружённая банда. Мой отец с конюхами отбивались от этих подонков до последнего патрона. Но тех было больше... Бандиты подожгли дом, конюшни... Кстати, мой отец имел известный в России конный завод... Сгорели заживо и люди, и кони... Я же находился в то время Питере с умирающей тетушкой. Получив телеграмму, сразу выехал, но увы... Чем я мог им помочь? А потом скончалась Анастасия Михайловна... – Владимир уже не мог говорить...

– Прошу прощения! Прошу прощения! – Штейн встал из кресла, – мне неловко, я...

– Это я прошу прощения! – Головинский справился со своими эмоциями и продолжил:

– Мне удалось пробраться в Ростов на Дону и записаться в Добровольческую армию. С ней я проделал почти весь путь Первого Кубанского похода, который потом, почему-то,

стали называть Ледяным. Недалеко от Екатеринодара мне не повезло: заболел крупозным воспалением лёгких. Однополчане оставили меня на каком-то хуторе в семье кубанских казаков. Эти люди меня спасли и выносили. После выздоровления я вернулся в строй. В составе Первого Кубанского конного полка принял участие в боях за Екатеринодар. Был ранен... Я остался в госпитале, а полк, получивший наименование Корниловского конного, продолжил борьбу с большевиками. Вот пожалуй и всё. – Владимир замолчал. – Могу добавить, что там же, в Екатеринодаре, меня произвели в подъесаулы. Но я гусар, поэтому предпочитаю представляться, как «штабс-ротмистр».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.